

Глава 9

В лавке тканей госпожи Хуэй у моста, когда молодая покупательница ушла, хозяйка, проводив её, обернулась к Фань Цзину. Кан Хэ всё ещё не вернулся из уборной, и госпожа Хуэй, немного помедлив, с сомнением в голосе произнесла:

— Этот молодой господин... он как-то странно говорит...

— Он неразговорчив, — прямо ответил Фань Цзин.

Госпоже Хуэй было неловко продолжать, но она знала о положении семьи Фань. Найти хорошего зятя, входящего в семью жены, всегда было непросто. Деревня — не уездный город. Когда волна за волной шла мобилизация, состоятельные семьи в городе откупались от службы серебром, и их сыновья не отправлялись на поле брани. Крестьянам же, не имевшим сбережений, оставалось лишь подчиняться. Мужчин в округе поубавилось, и в последние годы всё чаще можно было встретить девушек и гэров, ищущих работу.

Понизив голос, она участливо сказала Фань Цзину:

— Идеальных людей не бывает. Главное, чтобы человек был порядочный и мог спокойно жить, трудиться.

— Я знаю.

Заметив, что Кан Хэ возвращается, госпожа Хуэй сменила тему. Она указала на одежду, которую они принесли:

— Материал-то хороший, тонкая ткань среднего качества. Вы и вправду хотите обменять?

Кан Хэ не понял местного говора и посмотрел на Фань Цзина.

— Меняем.

— Если на деньги, — обратилась госпожа Хуэй к Фань Цзину, — то я, без своей наценки, дам триста монет.

Фань Цзин показал сумму на пальцах Кан Хэ. Тот, однако, передумал брать деньги. Он указал на ткани в лавке, давая понять, что хочет обменять одежду на материал.

Госпожа Хуэй выложила перед ними несколько отрезков и терпеливо, жестами, объяснила разницу в ценах. Кан Хэ выбрал два куска грубой ткани: тёмно-синий и цвета абрикосового цвета.

Упаковав их, госпожа Хуэй достала ещё один свёрток — плотную ткань, уже простёганную с хлопком, — и добавила к их покупкам.

— Не знаю, удастся ли мне вырваться на вашу свадьбу, — сказала она Фань Цзину. — Считаю, этот отрез хлопка — мой вам подарок.

Ей очень хотелось прийти, но выкроить время было почти невозможно. Муж уехал за товаром и неизвестно когда вернётся, а она одна — и за лавкой следит, и за пятилетним ребёнком смотрит, да ещё и нового носит под сердцем. Человек прийти не сможет, но подарок должен быть доставлен.

— Это слишком дорого, мы не можем принять, — отказался Фань Цзин. Плотная хлопковая ткань стоила не меньше четырёхсот-пятисот монет. Госпожа Хуэй хоть и держала лавку, и деньги у неё водились быстрее, чем у крестьян, но дела шли не всегда гладко. Все они кормили семьи, и такие подарки были чрезмерны.

— Когда твоя мать была жива, она часто приводила тебя сюда поиграть. Я тогда ей пообещала, что подарю тебе ткань на свадьбу. Лин-нян больше нет, но я не могу нарушить своё слово, — госпожа Хуэй пододвинула свёрток. — Вот подрастёт Чжэньэр, я и ей на свадьбу ткань подарю.

— Свадьбы у нас не будет, тётушка, не тратьтесь. А раз вы сегодня дарите нам хлопок, то когда у вас родится малыш, мне придётся отдариваться не менее ценным подарком.

Госпожа Хуэй на миг замерла.

— Ну и ребёнок же ты, — произнесла она.

Слова его были справедливы, но прозвучали слишком прямо. Хорошо, что она знала характер Фань Цзина, другой мог бы и обидеться. Раз он так твёрдо стоял на своём, пришлось уступить.

Попрощавшись с госпожой Хуэй, они с несколькими свёртками ткани отправились домой. Время было ещё не позднее, но небо уже потемнело. Морозящий в пути дождь к их приходу успел превратиться в плотную завесу.

Услышав шум во дворе, из дома выскочила Цяоэр. Увидев в руках Кан Хэ ткань, она замерла, не в силах отвести взгляд.

— Зять, вы с братом столько ткани купили! А что за расцветки?

Кан Хэ понял, что девочке не терпится посмотреть. Хоть он и не разобрал её слов, но всё прочитал по сияющему лицу. Он по-доброму присел на корточки и развернул свёртки.

Цяоэр бережно коснулась ткани. Хотя и цвет, и материал были самыми обычными, какие покупали все в деревне, она восторженно воскликнула:

— У зятя такой хороший вкус! На ощупь — как самый лучший сорт!

Слова девочки были слаще мёда. Кан Хэ протянул ей тот самый яркий отрез, который изначально и предназначался сёстрам. Второй, потемнее, был для госпожи Чэнь и отца Фаня. Из одного куска ткани можно было сшить два комплекта одежды для взрослого, а для девочек, если швея умелая, хватило бы и на три.

Цяоэр счастливо прижала ткань к себе, её глаза превратились в смеющиеся полумесяцы.

— Спасибо, зять!

Схватив подарок, она, словно кролик, метнулась обратно в дом, будто боялась, что Кан Хэ передумает.

Он с улыбкой посмотрел ей вслед — забавная девчушка. Он хотел отнести второй отрез госпоже Чэнь, но, подойдя к закрытой двери их комнаты, услышал тихий плач.

— ...я не знаю, как дальше жить, Да Цзин, ты рассуди, есть ли у твоего отца совесть.

Фань Цзин постучал и позвал госпожу Чэнь. Едва выйдя, она разрыдалась.

Оказалось, днём, когда начался дождь и деревенские сплетницы разошлись, в доме задержалась лишь Чжан Цзиньгуй, жена старшего брата. Ей не терпелось взглянуть на нового зятя. Услышав от госпожи Чэнь, что свадьбу играть не планируют, она дождалась отца Фаня и упрекнула его: как можно такое радостное событие не отметить застольем?

Отец Фань, заплетаясь языком, свалил всё на жену.

Тут же Чжан Цзиньгуй вошла в роль старшей невестки и принялась отчитывать Чэнь Саньфан. Она говорила, что если не устроить пир и не созвать соседей, то отношения с деревней испортятся, и в трудную минуту никто не придёт на помощь. Говорила, что отказ от застолья — неуважение, позор для семьи Фань, и что не стоит так трястись над каждой монетой. В конце концов она и вовсе заявила, что госпожа Чэнь поступает так из-за предвзятости мачехи.

Эти слова больно ранили госпожу Чэнь. Она изменилась в лице, и Чжан Цзиньгуй, почуяв неладное, поспешила уйти.

— Это я во всём виновата! Не нужно было отказываться от пира! — сквозь слёзы говорила она.
— Да хоть горшки разбей и котлы продай, хоть деньги на налоги потрать, но я исполню волю твоего отца и старшей невестки! Устроим пир, да такой, чтобы столы ломались, самый пышный, самый шумный!

Отец Фань, видя, что жена говорит сгоряча, попытался её успокоить:

— Да у невестки характер такой, она же в шутку, что ты так близко к сердцу принимаешь?
— Она в шутку, а я, значит, скупая! Так вот, я больше не скупая, я тоже буду щедрой! Завтра же утром закажу кур, уток, рыбу и мясо! Попрошу старосту выбрать по календарю счастливый день!

Фань Цзинь видел, что стоило ему отлучиться, как родители снова сцепились, и снова из-за его свадьбы. Это был уже не первый раз.

— Не нужно ничего устраивать, — отрезал он.

Но госпожа Чэнь, услышав это, воспротивилась:

— Если мы не устроим пир, вся деревня будет говорить, что я злая мачеха! Слухи дойдут до моей родной деревни, и как я после этого смогу поднять голову? Моим младшим сёстрам из-за меня будет трудно выйти замуж, я и в родной дом вернуться не посмею!

— Денег нет, как устраивать? — холодно спросил Фань Цзинь.

Потратить деньги на налоги было лишь гневными словами. Если просрочить уплату, уездные власти заберут должника на отработку. В доме и так не хватало мужчин, забрали бы отца Фаня, а на это госпожа Чэнь никогда бы не пошла. Оставалось одно — занимать. Но в нынешние времена все затягивали пояса, кто же одолжит крупную сумму?

— Ты просто неразумная, — пробормотал отец Фань, когда жена замолчала.

— Это я неразумная? Ты у нас разумный! Старый хрыч, если бы ты не язвил при невестке, разве стала бы она меня так попрекать?! — слова мужа снова подождгли госпожу Чэнь. Перед Фань Цзинем она плакала, но стоило ей повернуться к Фань Шоулиню, как её охватила ярость.

Она вскочила, засучив рукава, готовая броситься на мужа.

Отец Фань отпрянул со стула и, уворачиваясь, закричал сыну:

— Да Цзин, ты только посмотри на неё! Посмотри! Что за сварливая баба!

Кан Хэ не понимал причин ссоры, но видел, что назревает драка. Он поспешно встал между ними. Высокий и крепкий, он легко разделил спорщиков.

Но госпожа Чэнь не унималась:

— Кан Хэ, отойди! Я сегодня этому старому пню всё лицо расцарапаю, чтобы не смел за моей спиной жаловаться, будто я ему ни в чём не помагаю!

— Хватит! — ледяным тоном оборвал их Фань Цзин. — Решили устраивать — устраивайте. У меня сейчас денег нет. Накоплю немного, в последнем месяце зимы и проведём.

Сказав это, он вышел из комнаты.

Слово Фань Цзина было решающим. Госпожа Чэнь и отец Фань обменялись гневными взглядами, но спорить перестали. Кан Хэ с удивлением наблюдал, как два надутых шара, готовых вот-вот лопнуть, внезапно сдулись. Он невольно восхитился: всё-таки Фань Цзин умеет на них влиять.

Госпожа Чэнь, добившись своего, да ещё и получив отрез новой ткани, снова повеселела. Отец Фань, которому хотелось пиром поддержать своё лицо, тоже был доволен, пусть и пришлось для этого поскандальить. В итоге всё снова лёгло на плечи Фань Цзина.

В тот же вечер, после ужина, он начал собирать припасы, готовясь с утра уйти в горы.

— Я испеку пару лепёшек, брат возьмёт с собой в горы, — сказала Цяоэр.

Обе сестры убрали посуду. Цяоэр тут же побежала к себе, чтобы немедленно приняться за шитьё нового платья из подаренной ткани — хотелось успеть поносить его до наступления зимы.

Чжэньэр же не пошла в комнату. Она нашла Фань Цзина и тихо обратилась к нему. Характер у неё был сдержанный, но сердце — чуткое. Она понимала, из-за чего ссорятся родители. В доме часто спорили из-за денег, и каждый раз старший брат молча доставал свои сбережения, чтобы всё уладить. Казалось, родители к этому уже привыкли. Но она знала, как тяжело брату даются эти деньги, заработанные в горах. Видя, что сегодня всё повторилось, она не могла не сочувствовать ему.

— Слишком хлопотно, не нужно, — ответил Фань Цзин, глядя на сестру. Ей уже исполнилось тринадцать, но она была такой худенькой и маленькой, что казалась десятилетней. — Иди в комнату, ложись спать пораньше.

Чжэньэр, опустив глаза, молча ушла.

Кан Хэ должен был ночевать в только что прибранной западной кладовой. Там из досок и скамей соорудили небольшую кровать, застелив её новым матрасом. Вспомнив, что его сундук остался в комнате Фань Цзина, он пошёл за ним.

На пороге он столкнулся с Чжэньэр, которая выходила с поникшим видом. Он не понял, что её

расстроило.

Войдя, он увидел, что Фань Цзин собирает в плетённый короб одежду и рис, словно собрался в дальний путь.

— Куда... идёшь?

— В горы, — бросил Фань Цзин, заметив его в дверях. Потом, вспомнив, что тот может не понять, указал на горы за окном.

На самом деле Кан Хэ понял. По дороге из уезда он спрашивал у Фань Цзина, как будет «горы», и запомнил. Судя по сборам, тот уходил надолго.

Кан Хэ помолчал.

— Я... пойду.

Фань Цзин замер.

— Зачем тебе идти?

Кан Хэ догадался, что его спрашивают, что он собирается делать в горах. Он указал на охотничьи снасти на стене, а затем достал из-за пояса маленький лук, который дал ему Фань Цзин, и натянул тетиву.

— Ты с этим не справишься.

Сказав это, Фань Цзин, не обращая внимания, понял его Кан Хэ или нет, вынес его сундук и узел.

Кан Хэ обхватил свои вещи, но загородил собой дверь, не давая её закрыть.

— Я пойду!

Они сверлили друг друга взглядами, и никто не собирался уступать.

Прошло немало времени, прежде чем Фань Цзин наконец кивнул.

<http://bllate.org/book/13421/1194817>